

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

В каком времени ты настоящая?

МАРИША КРАМЕР

ЗАКОН
ЕЕ
ПРОШЛОГО

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Крамер, Марина.

К77 Закон ее прошлого / Марина Крамер. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-088805-4

Адвокат Варвара Жигульская возвращается в Москву после нескольких лет мирной жизни во Франции. Все здесь против нее: воспоминания, обстоятельства, сны, старые поклонники и новые клиенты, погода и, кажется, даже родная бабушка, так и не простившая внучке разрыв с блистательным мужем. Но обратного хода нет — победить прошлое можно, только пересилив его, отняв у событий десятилетней давности власть над собой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088805-4

© Крамер М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

КОРОЛЕВА В ДОБРОВОЛЬНОМ ИЗГНАНИИ

Нет ничего, с чем не смог бы справиться человек,
даже среди вещей, которые кажутся невозможными.

ЯМОМОТО ЦУНЭТОМО «ХАГАКУРЭ. КНИГА ВТОРАЯ»

Как люди добровольно соглашаются всю жизнь прожить не там, где родились? Этот вопрос я задаю себе каждое утро, едва успеваю открыть глаза и увидеть стену спальни, оклеенную обоями в мелкий цветочек. Наступает очередной длинный день, похожий на вчерашний и на завтрашний, и мне снова нечем себя занять. И вокруг чужая страна, чужие люди и чужой язык, на котором я даже приучила себя думать. Все чужое. Я закуриваю сигарету из пачки с надписью на французском, пью кофе у открытого окна в кухне, если тепло, и с улицы доносится чужая речь. Пахнет выпечкой из ближайшей булочной, и здешние багеты совершенно не напоминают по вкусу те, что я покупала там, дома. А я даже не могу сказать, вкуснее ли они, потому что все чужое стало вызывать у меня отвращение и тоску.

«Я больше не могу здесь жить».

Эту фразу я пишу на листке лежащего передо мной блокнота, в котором рисую печальные собачьи морды, напоминающие мне соседского бассет-хаунда, обреченно плетущегося вслед за хозяином на ежедневную утреннюю прогулку. Я сама как этот несчастный бассет, вынужденный быть там, где он не хочет.

Чуть больше трех лет назад я была успешным московским адвокатом, специалистом по строительному праву и недвижимости, владелицей известной адвокатской конторы, в которую предпочитали обращаться все крупные инвесторы, застройщики и те, кто мало-мальски связан с этой сферой. Я имела имя и репутацию, деньги и определенную власть, вокруг меня всегда были мужчины — видные мужчины с хорошим положением и банковскими счетами в твердой валюте. Мужчины, готовые положить к моим ногам все, что я захочу. Я ничего не хотела — могла все позволить себе и так, без вмешательства извне. У меня было все. И даже крепко приклеившееся в среде коллег и клиентов прозвище «Щука» не вызывало никаких отрицательных эмоций. Теперь у меня — открытое окно кухни, тихая улочка небольшого французского городка, печально бредущий за хозяином бассет-хаунд и одиночество. Какое-то безысходное, щемящее одиночество, доводящее меня порой до мыслей о суициде.

Почему я не еду домой, в Москву? Меня ведь здесь ничего не держит. Но проблема в другом... Здесь ничего не держит, а там никто и ничто не ждет. Мне почти сорок, а у меня ничего нет, кроме кучи денег на счетах. Кто там говорил, что деньги дают возможность быть счастливой? Ага, как бы не так...

Самое ужасное, с чем мне пришлось столкнуться здесь, это недостаток общения. Я, в общем-то, не слыла любительницей шумных компаний, однако, оказавшись лишенной возможности пойти в кафе с подругой или просто провести вечер с какими-то приятелями, почувствовала сперва дискомфорт, а затем и панические атаки, настигавшие меня с наступлением вечера или — не дай бог — праздников. Мое общение с соседями ограничивалось утренними приветствиями и дежурными вопросами о погоде или каких-то насущных пробле-

мах нашей улицы, и этот суррогат невозможно считать чем-то полноценным. В Москве у меня была подруга Аннушка Вяземская, адвокатская контора и разнообразные поклонники с интересными предложениями, здесь же — только деньги, на которые, как известно, друзей не купишь. Вяземская приезжала ко мне лишь однажды, мы провели две недели на Лазурном Берегу, и это были самые счастливые дни с тех пор, как я уехала из России.

Кого я собиралась обмануть этим отъездом? Попытка избавиться от призраков моей прошлой жизни, пора признать, провалилась с треском. Я оказалась не готова расплачиваться за это тотальным одиночеством, мне мучительно каждодневное безделье и праздность, я иначе устроена и не могу так жить. Со стороны, наверное, мои рассуждения выглядят бредом — как можно, сидя в собственном доме на юге Франции, добровольно рваться в Москву, но тот, кто столкнулся с одиночеством в чужой стране, думаю, понял бы меня.

Причины жить во Франции у меня имелись довольно веские. Процесс по делу строительного магната Невельсона, убившего свою жену с особой жестокостью, был завершен два с половиной года назад, вина доказана, Невельсона признали вменяемым и отправили за решетку на пятнадцать лет. Не скрою, я приложила руку к тому, чтобы судили его в России, а не на родине, в Англии, а потому, прочитав о приговоре в Интернете, испытала злорадное удовлетворение. Этот мерзавец убил не только собственную жену, но об этом мне до сих пор больно вспоминать. Зато теперь — и в этом я была совершенно уверена — долгих пятнадцать лет мое имя будет вызывать у господина Невельсона мурашки, холодный пот и нервный тик, я позаботилась и о том, чтобы он узнал, кто помог ему так неудачно сесть. Мести с его стороны я не боялась — амнистии по его делу можно ждать годами, а больше никаких шансов выйти досрочно он не имел. Наверное, никакая опасность мне

больше не угрожает, да я и сразу не верила в то, что со мной может что-то произойти — все самое ужасное в жизни уже случилось.

Поддавшись порыву, я схватила телефон и набрала номер Аннушки. Та долго не отвечала, и я с опаской перевела взгляд на часы — так и не научилась мириться с разницей во времени. Но нет, в Москве сейчас разгар рабочего дня, Аннушка должна быть в офисе.

— Алло! — раздалось наконец в трубке. — Ты чего, Жигульская, я ж работаю! Трезвонишь и трезвонишь, а я на совещании, и шеф новый как-то без восторга...

— Ань, прости, ради бога, я перезвоню позже.

— Нет уж! Я сбежала с совещания под вполне благовидным предлогом, сказала, что это моя больная матушка, поэтому теперь иду в кафе, а ты выкладывай, что случилось.

Определенно, даже с годами моя подруга не изменилась, иллюстрируя своим существованием расхожее мнение, что часто возраст приходит один, не прихватив с собой мудрость. Аннушка была самым легким человеком из всех, что попадались мне в жизни. Она совершенно не умела обижаться, легко относилась к колкостям в свой адрес, не принимала близко к сердцу неприятности и вообще жила как птичка колибри — без забот. Мне иногда очень не хватало ее умения не анализировать каждую мелочь и не взвешивать то, что произносится вслух.

— Анька, у меня к тебе дело, — начала я.

— Еще бы! Когда ты звонила просто так?

— Не преувеличивай. Последний год я только и делала, что звонила тебе совершенно безо всякого повода. Но сегодня у меня на самом деле просьба.

— Выкладывай. Латте с миндальным сиропом, ореховое безе и минералку, — проговорила Аннушка и тут

же добавила: — Это, как ты понимаешь, официанту, а не тебе.

— Да уж догадалась. Ань, найди мне хорошего риелтора.

— Кого?

— Риелтора. Это такой специалист по недвижимости, знаешь? — не удержалась я, но Аннушка сарказма не уловила:

— Я знаю. Не понимаю только, тебе зачем московский риелтор?

— А не догадываешься?

— Нет. Хотя, погоди, ты что — совсем спятила? Не вздумай сделать это, слышишь? Жигульская, я тебе серьезно говорю — даже не вздумай!

— А ты что разоралась? Я всего лишь собираюсь купить квартиру в Москве.

— Ага — после того, как три года назад ты не совсем удачно продала две шикарных квартиры в центре, да? Ты нормальная вообще, Варька? Продала, купила, снова продала — заняться нечем?

— Абсолютно нечем, — подтвердила я, закуривая. — Ты ведь была у меня, и сама знаешь, как я провожу дни.

— Не понимаю, — почти сдалась подруга, — ты что же, собираешься вернуться в Москву?

— Пока не решила. Сперва хочу просто купить квартиру, чтобы было, куда приезжать.

— А бабушка?

— Аня, не начинай. Ты отлично знаешь, что останавливаться у бабушки я не стану под угрозой расстрела — после всего, что она мне устроила.

— Злопамятная ты, Варька, столько лет прошло, а ты все обижаешься на то, что она твоего бывшего мужа покрывала с его внебрачным сыном.

— Давай оставим эту тему, пока обсуждение не зашло слишком далеко, — предостерегла я, и Аннушка послушно согласилась:

— Да как хочешь. Твоя бабушка, в конце концов, я-то чего переживаю?

— Действительно. Так что насчет риелтора — поможешь?

Аннушка задумалась на пару секунд:

— Попробую. Ты, конечно, в центр снова хочешь?

— Было бы неплохо. Только знаешь... что-то менее пафосное, чем у меня было. Нет, хорошо бы тоже дом со своей парковкой и огороженной территорией, но не такой огромный. Цена вопроса значения не имеет.

— Хорошо быть богатой вдовой, да? — весело ляпнула Аннушка и тут же осеклась: — Ой, Варь... прости, пожалуйста, я совсем что-то... не обращай внимания, а?

Я зажмурилась и изо всех сил вцепилась ногтями в бедро — это обычно помогало мне взять себя в руки и не разрыдаться. Самый быстротечный брак в моей жизни по злой иронии был заключен с человеком, которого я любила. Всего сутки я пробыла женой, превратившись в одночасье в богатую вдову крупного чиновника, враждавшего «в верхах». Всего сутки... А ведь мы с Русланом могли быть очень счастливы и прожили бы все, что нам отмерено, в любви. Как оказалось, свыше нам были отпущены всего одни сутки. Всякий раз, когда думаю об этом, внутри снова начинают тлеть угли, причиняя невыносимую боль.

Я была замужем дважды — и оба брака окончились моим поражением. Но если из первых отношений я сумела выйти практически без потерь, хоть и с оскорбленной гордостью, то финал вторых до сих пор убивает меня точно так же, как тогда, на проспекте в Санкт-Петербурге, когда Руслан на моих глазах шагнул прямо под несущуюся на красный свет машину. Все можно пережить. Равно как и привыкнуть к мысли, что теперь ты снова одна. Нужно время и укромное место, возможно, еще и именно поэтому я уехала сюда, во Францию. Это очень одинокое дело — становиться вновь целой по

окончании отношений. Когда они закончились, эти отношения, то к тебе словно возвращается та часть души, которую ты отдавала другому человеку. И пережить это новое ощущение приходится в отрыве от всех — только тогда процесс пройдет быстро. Да, безусловно, будет больно — очень больно, ведь это сродни хирургической операции — приживлять обратно часть души. Зато потом все снова станет как прежде, и ты будешь готова вновь отдать кому-то этот самый кусочек, пусть и немного меньший, чем раньше. Был бы адресат...

— Варь, — лепетала где-то там в трубку Аннушка, — Варь, прости меня. Ты ведь знаешь, что я сперва говорю, а потом уже думаю...

— Да при чем здесь ты, Аня... дело разве в тебе... в общем, поищи риелтора, буду очень благодарна.

— Конечно, я все сделаю. А... ты когда планируешь вернуться?

— Когда будет, куда возвращаться.

— То есть все от меня зависит? Чем быстрее найду, тем быстрее ты приедешь?

— Молодец, уяснила. Все, Аннушка, пей свой кофе, он уже наверняка остыл, а мне пора, — вздохнула я. — Мне срочно нужен променад на местный рынок.

Мы распрощались, я отодвинула от себя телефон и наконец позволила себе расплакаться.

Приходящая ко мне убирать дом раз в два дня Жанетт, разбитная веселая молодуха с румяным круглым лицом и тонкой талией, очень контрастировавшей с крутыми бедрами и пышной грудью, была крайне удивлена, когда застала меня рыдающей в кухне.

— Мадам чем-то расстроена? — присев на корточки и стараясь заглянуть мне в лицо, спросила она.

— Голова очень болит, — соврала я, вытирая слезы.

Жанетт поднялась и развила бурную деятельность, полезла в аптечный шкафчик, достала таблетки, налила воды в стакан, поставила все это передо мной на стол:

— Не нужно плакать. Пейте лекарство и непременно идите на воздух, не стоит сидеть в душном помещении. Посидите в саду, там на клумбе зацвели какие-то цветы, заметила, когда шла к вам. Идите, мадам, а я пока сварю вам бульон — хотите?

— Лучше буйабес, — пробормотала я, вспомнив, какой чудесный рыбный суп варит Жанетт.

— Хорошо, мадам, и непременно чесночные гренки, правда? Вы ведь любите.

— Спасибо, Жанетт.

Я выпила таблетку, выбралась из-за стола и, захватив шаль и книгу, побрела в сад, окружавший мой дом со всех сторон. Я специально выбирала дом с садом, помня, как об этом мечтал Руслан. Не знаю, возможно, такой выбор приближал меня к нему хотя бы в мечтах. Я часто сидела в плетеном кресле под старым каштаном, чудом оставшимся здесь с каких-то незапамятных времен, как сказал мне риелтор, и растравляла себя мыслями о Руслане. Сад оказался прекрасным убежищем, успокаивавшим и навевавшим умиротворение. Вскоре я стала страдать чуть меньше, как будто горе мое немного приутилось. Но по-прежнему ночами во сне вдруг возникало лицо Руслана, и я вскидывалась с подушки, хватала сигарету, давилась табачным дымом и слезами и долго не могла уснуть, успокоиться.

Бесцельно перелистывая страницы книги и совершенно не видя текста, я сидела в кресле, завернувшись в большую расписную шаль — предмет нескрываемой зависти Жаннетт. «Надо будет ей из Москвы такую привезти», — подумала я и даже не удивилась тому, как буднично рассуждаю об этом — словно вопрос с поездкой уже решился.

— Хорошо, допустим, я купила квартиру, даже отремонтировала и обставила ее — это примерно полгода, не меньше, — начала я рассуждать вслух по-русски, словно опасалась, что кто-то может услышать меня

здесь, в густых зарослях. — Допустим, даже приехала. Дальше что? Какая мне разница, где сидеть дома — здесь или там? Здесь хоть зимы такой не бывает. Правда, это не великое преимущество. Может, пойти к Димке Кукушкину, на работу попроситься?

Дима Кукушкин был моим партнером по адвокатской практике, и именно ему я переуступила контору, когда уезжала. Он, конечно, не сможет отказать мне, но вот только будет ли рад? Он же лучше других знает мои профессиональные амбиции и понимает, что с моим появлением... Хотя разве плохо, если с моим появлением в контору потекут новые-старые клиенты? Я не стану претендовать на партнерство, буду, так сказать, приглашенной звездой. А что? Это довольно неплохая идея — и денег мне, собственно, больших не нужно, чисто символический гонорар, ибо работать даром — даром работать, как было написано на табличке в кабинете одного моего знакомого отоларинголога. Но, конечно, Димочке нужно сперва позвонить и обсудить с ним перспективы такого сотрудничества.

Остается бабушка. Конечно, ей можно не сообщать о моем возвращении, но это как-то совсем уж... Я единственная внучка, мама моя — бабушкина дочь — давно живет в Швеции со своим забыла-каким-по-счету мужем. Бабушка сильно немолода, хотя еще довольно бодрa и по-прежнему преподает в консерватории, хоть и всего три часа в неделю. Этот пробел в педагогической деятельности она с лихвой компенсирует вкладом в музыкальное образование сына моего первого мужа, известного композитора и дирижера Святослава Лемешинского. Вот такая случилась «Санта-Барбара» в нашей интеллигентной и даже слегка рафинированной семье. Светик завел любовницу, не переставая при этом жить со мной и искусно изображать любовь и иногда даже страсть, любовница родила мальчика, оказавшегося очень способным к музыке — с генами Светика